

РУФАТ МУСТАФАЗАДЕ

Зеленая скала

Рассказ

1

2018-ый год. Баку.

Гасан проснулся ночью в холодном поту. Ему приснился сон-кошмар, в котором он, как и двадцать пять лет тому назад, в далёком 1993-м году, бежал из родного села Кельбаджарского района. Во сне Гасан увидел Айгюн, любимую девушку, слёзно умолявшую не оставлять её, взять с собой. «Не переживай, любимая, скоро увидимся в Гяндже», – во сне, как и наяву, сказал ей Гасан... а потом вдруг разверзлась гора Муровдаг и Айгюн исчезла, оставив после себя лишь белую шерстяную шаль.

Гасан проснулся и уже не пытался больше заснуть. Он встал, прошёл на кухню своей холостяцкой квартиры, отпил холодной воды. Немного успокоился, после чего картинка из далёкого прошлого снова ожила, предстала перед его глазами, но уже в виде чёрно-белого кадра из старого документального фильма.

Ему двадцать лет, ей – восемнадцать. Он приходит попрощаться, смотрит в последний раз в её чёрные, словно угольки, глаза...

Да, они с Айгюн не были даже обручены и жили каждый в своей семье: Гасан, круглый сирота, жил с дядей, его женой и детьми, а Айгюн жила со своими родителями, людьми обеспеченными – конечно, по местным деревенским меркам.

После того, как армянские войска начали наступление на Кельбаджар, дядя Гасана, хоть и не бессребреник, но человек довольно равнодушный к материальным благам, погрузил всё самое, как он считал, необходимое во внедорожник «Ниву», и семья оставила дом, закрыв дверь на простой незатейливый замок.

Отец же Айгюн никак не мог расстаться со своим внушительным стадом: коровами и баранами.

– Мы на вертолёте прилетим, если что, не волнуйтесь, – хмуро сказал он, когда Гасан с дядей всё же заикнулись о том, чтобы Айгюн ушла вместе с ними. – Не полагайся незамужней девушке покидать дом одной, без матери и отца...

С тех пор прошло двадцать пять лет... Уже работая в полиции, через своих знакомых в Министерстве национальной безопасности Гасан выяснил, что Айгюн и её родители так и не улетели на вертолёте и что их точно нет среди более пятисот мирных жителей Кельбаджарского района, убитых в ходе оккупации армянской стороной. «В лучшем случае они попали тогда в плен», – пришёл к заключению он, однако от этой мысли ему, наслышанному об издевательствах армян над пленными, стало физически больно за бедную Айгюн.

Но время, если не лечит, то притупляет боль...

«Сегодня я, наконец, увижу родные места и, может, даже узнаю, что же с ней произошло», – Гасан тяжело вздохнул и посмотрел на часы: он ждал машину, которая должна была довезти его до северного подножья Муровдагского хребта, отделяющего Азербайджан от его собственной территории, находящейся под армянской оккупацией.

Да, сегодня был особый день. Гасан, отставной майор полиции, на свой страх и риск намеревался проникнуть за линию фронта, чтобы соприкоснуться со своим прошлым, не оставившим его в покое все последние двадцать пять лет...

Машина подъехала вовремя. Гасан вежливо поздоровался с водителем, нанятым им по Интернету, но затем полностью ушёл в себя и за все шесть часов пути не проронил ни слова. Он даже старался не смотреть по сторонам... Обхватив голову руками, он почти всю дорогу сосредоточено повторял в уме: «Ашот Ованесов, Ованесов Ашот, родился в Ереване» – свою «легенду», своё новое имя. У подножья Муровдага Гасан вышел из машины и пошёл лесной тропой. Здесь уже можно было встретить армянских пограничников, и поэтому Гасан был одет, как обычный армянский военнослужащий, в военную форму цвета хаки. Благодаря этому камуфляжу он сливался с окружающим его лесом, к тому же такая одежда спасала от холода гор, пронизывающего насквозь. Ему предстояло пройти много километров по диким местам, горам, снегу и бездорожью...

Однако Гасан давно готовился к этому дню. А после того, как вышел в отставку, уже и думать не мог ни о чём, кроме как о «возвращении домой». Гасан неплохо владел армянским языком, ещё с тех кельбаджарских времён, но тем не менее в последний год усердно занимался с педагогом армянского – азербайджанцем, беженцем из Еревана, преподавателем одного из бакинских вузов – чтобы ещё лучше вжиться в свою «легенду», говорить по-армянски чисто, на ереванском диалекте. Естественно, что Гасан не распространялся о своих планах. Добродушный педагог, скорее всего, даже не догадывался, зачем Гасану, бывшему полицейскому, вдруг понадобилось поработать над своим армянским произношением... А вот Айдын, старый знакомый по службе в полиции, доставший для Гасана армянский паспорт и армянскую сим-карту, знал, конечно, всё! «Я найду данные человека, похожего на тебя, и сделаю точную копию армянского паспорта. Так что можешь не волноваться, если тебя будут пробивать по компьютеру. Хорошо, что у тебя типичное лицо. Не обижайся, но есть много армян с такими лицами», – сказал он и спустя некоторое время передал Гасану документ с лицом, так похожим на лицо Гасана... «Ашот Ованесов, – прочёл тогда Гасан. – Родился в Ереване». «Совсем обычный армянин, работает учителем истории в ереванской средней школе. Ну, что скажете, Гасан-муаллим, похож на вас?» – спросил Айдын, и Гасан пригляделся ещё внимательнее. Да, действительно, Ашот Ованесов был довольно похож на него. Правда, чуть полнее и чуть постарше, с мешками под глазами, но ... Гасан, бывало, и сам на себя был похож меньше, чем на Ашота Ованесова!

Густой туман в горах постепенно рассеялся, и пошёл сильный дождь. Однако для Гасана это было, скорее, на руку. Он специально и выбрал «время тумана и дождя», потому что при такой погоде было очень маловероятно, что его заметят. Хотя и был риск, что он сам заплутает и окажется лицом к лицу с врагом! Но Гасан свободно ориентировался в окружающей местности, годы подготовки не прошли даром. Он прекрасно знал, что армяне не в силах контролировать всю прифронтовую зону. «Не попасть бы на мины» – это было для него намного большей угрозой в кельбаджарском лесу! К счастью, Гасан благополучно спустился с горы. Ещё несколько километров, и он оказался в так хорошо ему знакомых местах. Дождь прекратился, Гасан отбросил в сторону дождевик, впереди виднелись первые сёла родного Кельбаджарского района... Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказалось, что они, эти сёла, не имеют ничего общего с его воспоминаниями. Вместо обжитых домов показались одни развалины. Да, после многочасового перевала взору Гасана предстала выжженная земля, цинично названная армянами «поясом безопасности» Нагорного Карабаха. Площадь всего этого пояса почти в два раза превышала площадь самого Нагорного Карабаха, ради «безопасности» которого этот пояс создавался!

Вокруг была тишина. Гасан чувствовал себя если не в полной безопасности, то вполне свободно, как вдруг услышал шорох, а потом увидел, как что-то «дёрнулось» в районе сельского кладбища. «Птичка? – предположил Гасан. – А вдруг человек?» Он решил на всякий случай не оглядываться, и ускорил шаг.

Гасан прошёл, почти пробежал несколько километров, когда окончательно решил, что если это и был человек, то, скорее всего, соотечественник-азербайджанец, раз предпочёл не показываться на глаза «армянскому солдату». Гасан слышал о беженцах из Кельбаджарского района, время от времени навещавших свои сожжённые в пепел дома и могилы давно умерших родственников. Как же им удавалось сюда проникать? Да, некоторые рисковали, как Гасан, но он слышал и истории о тех беженцах, которые предпочитали договариваться с армянскими пограничниками и военными патрулями! Да, эти люди были согласны заплатить оккупантам лишь за то, чтобы взглянуть на развалины собственных домов! С другой стороны, Гасан понимал их чувства. Ведь он сам долгие годы страдал от щемящего чувства невозможности – невозможности вдохнуть родной воздух и физически прикоснуться к собственным корням!

На подступах к родному селу Гасан снял военную форму и аккуратно сложил её в рюкзак. Здесь уже было не так холодно, хотя и день близился к закату. И Гасан пошёл вдоль реки Тертер! Когда-то они с Айгюн очень любили приходить сюда. Да, многое изменилось с тех пор, однако река текла, как и прежде. Гасан будто снова услышал нежный голос Айгюн, переливающийся в унисон с журчанием бурного ручья.

А вот и родное село! Вернее, родные руины. Гасан никогда бы не узнал это место, не будь, как и прежде, двух горбообразных холмов вокруг. Да, холмы по-прежнему были зелены и полны жизни, резко контрастируя с безжизненным селом, изуродованным взрывами, временем и мародёрами.

А раньше, в сущности, не так давно, здесь жило около тысячи человек. В основном, азербайджанцы, но жили и русские, и курды. Единственная армянская семья – тётя Рита и дядя Левон, бездетные муж и жена, благодаря которым Гасан так хорошо говорил по-армянски, почти так же хорошо, как по-азербайджански, умерли загадочной смертью ещё в начале 1988-го года. Уже тогда отношения между народами были испорчены, и даже у них в селе появились первые азербайджанцы-беженцы из Армении, что очень расстроило дядю Левона, но ещё не была пройдена точка невозврата!

Гасан, рано оставшийся без родителей и воспитывавшийся в семье дяди, довольно часто забегал к соседям-армянам. И они всегда встречали его по-доброму, с улыбками на лицах. Дядя Левон, мастер на все руки, шутник и остряк, просто обожал рассказывать ему анекдоты, сначала на армянском, а потом переводил их же на азербайджанский язык, в то время как тётя Рита, школьная учительница, говорила с ним, в основном, по-русски, читая ему стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова и многих других. И, странное дело, дядя Левон и тётя Рита никогда не говорили Гасану ни о «великой Армении от моря до моря», ни об «армянском геноциде, единственном в своём роде», ни о «самом древнем и многострадальном народе в мире, первым принявшем христианство». Да, это были замечательные, добрые, по-настоящему мудрые люди, и Гасан их очень любил...

«Может, и хорошо, что они не увидели всего этого. Ведь дальше было намного страшнее». Гасан прошёл мимо останков собственного дома и дома дяди Левона и тёти Риты, достал мобильный телефон и начал снимать на камеру то, что осталось от родной деревни. Да, вокруг были одни развалины. «А вот раньше здесь был сельсовет, здесь, вроде, была школа, а здесь, за углом, мастерская дяди Левона»... Мастерская дяди Левона... Гасан задумался, и время как будто бы замедлило свой ход... Гасан словно воочию увидел коренастую фигуру дяди Левона, склонившуюся над разными деталями, а потом вдруг услышал его последние, сказанные Гасану слова: «Приходи к нам завтра утром, поговорим»... Но завтра ... так и не наступило, вернее, наступило «неправильное», жестокое завтра... На следующий день в условленный час Гасан обнаружил дядю Левона и тётю Риту мёртвыми в их же собственной спальне. Следов насилия не было, и Гасан подумал даже, что они просто спят...

Однако неестественная тишина подтолкнула его к страшной догадке...

Гасан слишком погрузился в свои воспоминания и не сразу заметил, когда с горбообразных холмов стали спускаться вооружённые автоматами люди. «Армяне! Кто же ещё! Вот я дурак! И зачем я снял военную форму?!» – Гасан не успел укрыться, как вдруг раздались звуки автоматных очередей. И стреляли прямо в него! «Я – армянин, я безоружен. Пожалуйста, не стреляйте», – успел по-армянски выкрикнуть он, а после того, как всё стихло, с поднятыми руками пошёл навстречу стрелявшим в него людям...

2

Четыре человека, вооружённых автоматами, смотрели на него настороженно, не спуская с глаз. И пальцы они по-прежнему держали на спусковых крючках. Казалось, вот-вот опять раздадутся выстрелы, но это уже будут последние выстрелы для Гасана... Что делать? Солдаты, а это, судя по всему, были не пограничники, а военный патруль, молчали, поэтому Гасан заговорил сам, стараясь как можно чётче выговаривать слова.

– Я – армянин и я безоружен, – повторил он.

Один из четверых зашевелился.

– А что ты здесь делаешь? – спросил он, вероятно, главный, их командир.

– Что? Это ведь наша земля, ара, – ответил Гасан. – Я тут гулял и немного заблудился, – секунду спустя добавил он.

«Главный» подозрительно посмотрел на него. Да, Гасан говорил правду с армянской точки зрения: армяне считали эту территорию исконно своей, впрочем, как и половину земного шара... Но, с другой стороны, сюда они практически никогда не заходили, ведь здесь не было золота, как в западной части Кельбаджарского района, где они незаконно эксплуатировали рудники.

– Обыскать его! – рявкнул «главный», и три человека обшарили карманы Гасана, сняли с него рюкзак, достали паспорт и мобильный телефон...

Паспорт, как и обещал Айдын, не вызвал подозрений, Гасану быстро вернули его обратно. А насчёт мобильного телефона Гасан и не волновался. Ведь там он не держал ничего компрометирующего, ничего такого, что могло бы бросить тень на его армянское происхождение. Готовясь стать Ашотом Ованесовым, Гасан предусмотрительно удалил всю информацию, в том числе и все азербайджанские контакты из своего телефона, а затем добавил из Интернета даже несколько армянских номеров для правдоподобия собственной «легенды». Оставался только один вопрос: «Зачем Ашоту Ованесову, школьному учителю из Еревана, вздумалось снимать на камеру развалины азербайджанского села? Зачем?»

И его спросили как раз-таки об этом!

– Слушай, ара, – с расстановкой проговорил командир военного патруля. – А что такого интересного ты там увидел, что начал снимать? Можешь объяснить, а?

– Много чего, дорогой. Посмотри, – ответил Гасан просто для того, чтобы выиграть время. Ничего не приходило ему в голову, кроме «исконно армянских земель»...

И армянский командир «нажал на видео». Он стоял прямо напротив Гасана, поэтому Гасан, конечно, не мог смотреть своё видео вместе с ним, а мог только наблюдать за его реакцией.

В первые минуты лицо «главного» было непроницаемо. Но вдруг...

– А, понятно, ара, так бы и сказал, – он неожиданно рассмеялся, оставив Гасана в полном недоумении. «Что же такого смешного в этих кадрах?» Гасана так и подмывало об этом спросить, но в таком случае он точно выдал бы себя. Поэтому Гасан прикусил язык...

– Ашот-джан, так значит, ты учитель истории из Еревана и пишешь историю Арцаха, дорогой? – несколько минут спустя Гасан уже сидел в патрульной машине, везущей его в центр Нагорного Карабаха, город Ханкенди. Ему удалось найти общий язык с армянскими военными, в особенности с их командиром, непонятно как, но благодаря своему «печальному» видео. «Надо будет внимательно просмотреть потом, что я снял, когда останусь один».

– Новейшую историю Арцаха, – с выражением ответил он. – Я пишу про то, что именно произошло во время и после того, как мы смогли вернуть наши земли.

– Бог тебе в помощь, ара! Можем помочь тебе чем-нибудь? – «главный» спросил больше из вежливости, но Гасан «зацепился» за его слова.

– Очень прошу тебя, брат, помоги мне с государственным архивом! – слёзно попросил он. – У меня было разрешение на посещение, но я его, к сожалению, потерял. Помогите мне, а! Я же никому не скажу, что вы в меня стреляли, – Гасан рассмеялся, – или расскажу об этом так, как вы хотите...

Благожелательность «главного» мгновенно улетучилась.

– А у тебя точно был пропуск? Не врёшь? – недоверчиво спросил он.

– Конечно, не вру. У меня и сейчас он есть, только электронный, – с этими словами Гасан показал фото в своём смартфоне. Да, Айдын сделал для него и разрешение на посещение архива, но посоветовал не распечатывать, держать только в электронном виде...

– А, понятно. Тогда без проблем, брат, – черты лица командира патруля разгладились, он взял рацию-телефон, связался с кем-то «наверху», и спустя некоторое время патрульная машина доставила Гасана в Ханкенди, прямо к зданию Архива... Было уже около шести часов вечера. Времени до окончания рабочего дня оставалось совсем немного, поэтому Гасан, не мешкая, запросил документы по родному Кельбаджарскому району... Да, разумеется, даже ему, армянину, предоставили не всё, но...

Досье. 1993-й год, март-апрель, Кельбаджарский район. Наступление армянских войск. Более пятисот мирных жителей убито, тысячи захвачены в плен. Это всё он и так знает. А есть ли информация по конкретным людям? Кто именно попал в плен, имена и фамилии? Нет, к сожалению, нет никаких имён. Хотя ... вот тут пишут о головах мелкого и крупного рогатого скота, «изъятого» у местного фермера. Кто же, интересно, этот местный фермер? Отец Айгюн? Или такой же бедолага, который никак не мог принять, поверить, что ему что-то угрожает на родной земле...

Итак, мирные жители взяты в плен, но никуда не увозятся из-за «нестабильной политической обстановки» и остаются в оккупированном Кельбаджарском районе. Что же с ними происходит дальше? Немного покопавшись, Гасан находит сообщение-телеграмму, предупреждающую армянских командиров о том, что вскоре в район оккупации должны прибыть с инспекцией международные гуманитарные организации, в том числе и представители Международного Комитета Красного Креста. «Что нам делать? Куда спрятать пленных?» – вопрошают армянские командиры. «Убейте и закопайте!» – получают они приказ¹. «Убить и закопать», – Гасан даже не замечает, как на его глаза наворачиваются слёзы. Значит, вот что, скорее всего, произошло с несчастной Айгюн. Знать бы, где она похоронена... В слезах Гасан переворачивает одну страницу за другой... Все командиры рапортуют об «успешном выполнении приказа», все ... кроме одного... «К сожалению, скрыть всех пленных не получилось. Одной мо-

¹ Министерством национальной безопасности Азербайджанской Республики 6-7 апреля 1993-го года были зафиксированы подобные радиопереговоры армянских командиров, в которых речь шла о том, чтобы «срочно убить и закопать граждан Азербайджана, взятых в плен и в заложники, в том числе стариков, женщин и детей», в связи со скорым прибытием в зону оккупации международных организаций.

лодой девушке удалось сбежать, мы её, конечно, поймали, но было уже поздно, её обнаружили представители Красного Креста и взяли с собой», – Гасан прочитал это сообщение, и ему захотелось верить, что спасённой девушкой была Айгюн... Ему очень захотелось верить, что это была она... «Нужно запросить информацию у Красного Креста! И как я раньше не подумал об этом?»

4

Гасан вышел из Архива. Да, был уже вечер, и он чувствовал себя очень уставшим. Этот невероятно длинный день вместил в себя и виденный им сон-кошмар, и шесть часов пути на машине, и утомительный горный перевал, и многокилометровое пешее путешествие по родным местам, и, наконец, долгожданную встречу с развалинами родного дома. Да, дом был весь в развалинах, но Гасану всё равно стало легче, когда он его увидел... И он успел снять его на камеру. А потом ещё в Гасана стреляли, заподозрив, что он шпион. К счастью, всё обошлось. Он даже сумел с выгодой выйти из этой ситуации и в результате его довезли до Ханкенди и допустили в Архив!

«Что же делать дальше? Может, поспать? А завтра с утра – в обратный путь. Больше мне здесь делать нечего». Гасан зашёл в гостиницу, снял номер на одну ночь, но заснуть так и не смог из-за стресса и тяжёлых воспоминаний и решил пройтись по вечернему Ханкенди (Степанкерту)...

Да, в последний раз Гасан был здесь ещё мальчиком, более тридцати лет тому назад. С тех пор изменилось всё! Тогда это была Нагорно-Карабахская Автономная область (НКАО) в составе Азербайджанской республики СССР, теперь же ... на каждом углу Гасан видел флаги Армении и непризнанной Нагорно-Карабахской Республики (Республики Арцах).

Хотя ни одна страна в мире НКР так и не признала, кроме, конечно, самих непризнанных государств: Абхазии, Южной Осетии и Приднестровской Молдавской Республики. Гасан часто слышал (читал в Интернете) призывы армян «признать Карабах», адресованные лидерам мировых держав, и смеялся над абсурдностью и нелогичностью этих обращений: «Вы же сами НКР не признаёте, то есть вы сами понимаете всю незаконность этого образования, так чего же вы ждёте от всех остальных?»

«Попробуют только азербайджанцы отвоевать Карабах силой, так мы сразу его признаем!», – грозились в Армении, однако в Азербайджане прекрасно понимали, что всё это чистый блеф. Ведь «признать Карабах» значило для Армении расписаться в собственной оккупационной сущности, то есть официально признать, что нормы международного права для неё – пустой звук!

Да, по всем законам и нормам международного права Нагорный Карабах принадлежал Азербайджану. Самопровозглашение 2-го сентября 1991-го года «Нагорно-Карабахской Республики» противоречило Конституции СССР, так как территория союзной республики не могла быть изменена без ее согласия. А впоследствии, когда Азербайджан стал независимым, его административные границы не могли быть изменены, согласно доктрине *uti possidetis juris*¹, как и границы какого-либо другого государства, обретшего суверенитет.

¹ *Uti possidetis* (лат. «поскольку владеете») – принцип, сложившийся в международной практике, который означает, что новые государства, получившие независимость, имеют ту же территорию и с теми же границами, которые имели прежде, будучи колониями или зависимыми территориями, в том числе административными единицами в составе других государств. Единственным исключением в международной практике стал случай республики Косово, независимость которого от Сербии признало большинство стран ООН. Однако правительства США, Великобритании, Италии и других государств, а также секретариат ООН сразу же оговорились, что ситуация в Косове является уникальной и не должна рассматриваться в качестве прецедента для иных самопровозглашённых образований.

К тому же армяне захватили Нагорный Карабах и так называемый «пояс безопасности» силой и тем самым попрали все принципы защиты территориальной целостности стран и недопустимости насильственного изменения границ ...

Усталость всё-таки взяла своё. Гасан вернулся в гостиницу. Но прежде чем лечь спать, он решил просмотреть видео, снятое сегодня на камеру телефона, видео, чудесным образом рассмешившее армянского командира и тем самым, вероятно, спасшее Гасану жизнь! Что же могло быть там смешного? Гасан включил камеру...

Развалины вместо домов. От его дома остался только фундамент, а дом дяди Левона и тёти Риты вообще сравняли с землёй. Вот школа, тоже вся в руинах. Бывшая мастерская дяди Левона. Голые стены. Что же тут смешного? И тут ... Гасан разглядел в самом низу стены мастерской небольшой рисунок, эмблему: скрещённые друг с другом кинжал, перо и лопату... Эту эмблему – символ армянской партии «Дашнакцутюн», экстремистской организации, во время второй мировой войны активно сотрудничавшей с нацистами, не гнушавшейся ничем: преступлениями, террором, убийствами ради «счастья армянского народа», и сыгравшей ключевую роль в разжигании Нагорно-Карабахского конфликта, – он видел сегодня тысячу раз на бумагах и документах в государственном Архиве...

Но какое отношение мог иметь дядя Левон к этой партии? Неужели и он был её тайным членом? Нет, этого не может быть! Дядя Левон был добрым, совсем не таким человеком!

Ошарашенный Гасан принялся раз за разом пересматривать видео, нажимая на «повтор», и вдруг увидел Айгюн... Красавица Айгюн была везде: и в его доме, и в доме дяди Левона и тёти Риты, и в школе, и в бывшей мастерской. Айгюн, словно птица, пролетела над всем селом. Нет, её армянский командир уж точно не мог увидеть. Ведь это была не его боль...

5

Проснувшись, Гасан почувствовал сильный голод. Что было неудивительно, ведь вчера за весь день он практически ничего не ел, не считая взятых с собой из Баку двух-трёх бутербродов.

Гасан вышел на улицу, увидел кафе-ресторан под названием «Миацум»¹ и зашёл туда, пусть название и было неприятно его глазам и уху...

Кроме него, в кафе сидело человек десять. Самые обычные на вид люди. Парень с девушкой что-то обсуждали, отчаянно жестикулируя руками, в то время как двое мужчин средних лет говорили о курсе армянского драма по отношению к доллару, это Гасан слышал отчётливо и ясно. На другом же конце кафе сидела женщина с двумя детьми. Дети баловались, время от времени подбегали к Гасану, что-то лепетали и убегали обратно. Обычные дети... Неужели и они вырастут слепыми националистами, плачущими о геноциде и мечтающими о возрождении «великой Армении», самовлюблёнными фальсификаторами, игнорирующими здравый смысл, законы и Международное право?..

Вскоре принесли меню. В меню кафе «Миацум» значились «национальные армянские блюда» на армянском языке, но почти все слова, понятное дело, были тюркско-азербайджанские: долма, кюфта, хаш и бозбаш. «Надо же, и бозбаш² себе присвоили, несмотря на всю скабрёзность его звучания на армянском». По правде говоря, Гасан вообще не понимал смысла споров о том, кто «изобрёл» какое-либо кулинарное блюдо. «Да какая разница, кто? Это же не наука! Какая разница, кто первым додумался заворачивать мясо в виноградные листья?»

¹ «Миацум» (арм. «воссоединение») – идея присоединения Нагорно-Карабахской автономной области к Армении.

² Боз (арм.) – женщина лёгкого поведения, проститутка.

В ожидании заказа Гасан достал мобильный телефон и снова, в который уже раз, просмотрел снятое вчера видео. Кто же мог нарисовать эту эмблему – кинжал, перо и лопату – кроме самого дяди Левона? Кто? А может, этот рисунок пририсовали совсем недавно? Исключено! Рисунок выглядел старым, изрядно потёртым временем. Его точно нарисовали лет тридцать тому назад, не раньше. Гасан вдруг вспомнил, что после смерти дяди Левона он однажды заходил в мастерскую и ... вроде видел эту эмблему, но по молодости и незнанию не придал ей никакого значения.

Гасану наконец принесли «армянский бозбаш» и «армянскую долму». Он быстро всё съел, после чего решил просмотреть армянские новостные сайты. Ничто не выводило Гасана из равновесия ... пока он не узнал себя в бегущей строке: «Вчера в поясе безопасности Арцаха азербайджанской армией была предпринята провокация, в результате которой пострадал наш соотечественник: профессор истории Ашот Ованесов, в последние годы занятый написанием фундаментального труда об истории Арцаха. К счастью, его состояние в данный момент не вызывает опасений».

Гасан прочёл это короткое сообщение несколько раз – и в мозгу отозвались бодротные анекдоты про армянское радио. «Не Арцаха, а Нагорного Карабаха, не пояс безопасности, а оккупированные территории, не азербайджанской армией, а армянской, и не провокация, а вооружённое нападение, а почти всё остальное – правда». Гасан усмехнулся, но в следующую секунду осознал всю серьёзность своего положения. Про Ашота Ованесова, его легенду, написали в Интернете, хорошо хоть без фото. Но ... в любом случае он засветился ... О нём узнали! К тому же военный патруль в курсе, что Гасан вчера был в Архиве. А в Архиве он оставил свои паспортные данные, как, впрочем, и в гостинице. Что, если им всерьёз заинтересуется служба национальной безопасности Нагорного Карабаха? Пробьют паспорт по компьютеру... но на этом не успокоятся – и выяснят в конце концов, что историк Ашот Ованесов с утра был на работе в ереванской школе! Нет, нужно бежать отсюда как можно скорее!

Гасан быстро поднялся, чтобы покинуть кафе «Миацум», а вместе с ним и Ханкенди, и всю территорию, контролируемую Арменией, как тут в кафе вошли два человека в строгих деловых костюмах.

– Ашот Ованесов? – обратился к нему один из них. Гасан кивнул.

– Пожалуйста, следуйте за нами, – тоном, не допускающим возражений, произнёс второй.

6

Гасан был готов к худшему. «Меня раскрыли. Но нужно отпираться до последнего. Я – Ашот Ованесов и точка. Понятия не имею, кто там вместо меня учительствует в ереванской школе!»

Однако на деле всё оказалось не так страшно.

– Ашот-джан, мы от правительства. У нас есть информация, что вы пишете «историю Арцаха», – на улице люди в костюмах уже вели себя по-другому, даже начали улыбаться.

– Новейшую историю Арцаха, – облегчённо выдохнув, уже привычно поправил Гасан.

– Конечно. Так вот, вы, само собой, слышали о Тигранакерте?

– Да, – опять кивнул головой Гасан. Он, разумеется, слышал, читал в Интернете, что не так давно на территории, оккупированной Арменией, в местечке Шахбулаг Агдамского района Азербайджана армянские учёные-археологи успешно раскопали останки «своего» древнего города.

– Мы имеем в виду второй Тигранакерт! – важно добавили люди в костюмах.

«Всего лишь второй? Да вы их тут тысячи найдёте!» – с сарказмом подумал Гасан.

– И вы, конечно, знаете, – продолжали «армянские двое из ларца», – что сегодня вечером на месте раскопок состоится научная конференция, на которой, помимо наших учёных, будут и учёные из Франции и США, а также многочисленные журналисты. Мы не знали, что вы сейчас в Степанакерте, иначе заранее предупредили бы вас. Выступите, пожалуйста, с небольшим докладом, минут на пять-десять.

– А о чём? – озабоченно спросил Гасан.

– О чём хотите! Можете и о книге, которую вы сейчас пишете. Но тема: великая Армения. Будьте, пожалуйста, в гостинице, мы за вами заедем ровно через час.

Люди в костюмах ушли, Гасан же в смятённых чувствах остался стоять перед кафе «Миацум». «Что делать? Может, бежать?» Только ...за час он не успеет добраться до Муровдага! А его побег, отсутствие в гостинице однозначно вызовут подозрение. Начнут копать и тогда вскроется всё! «Что ж, поеду, посмотрю, что это за древний город, – решил Гасан. – А речь произнесу как-нибудь. Ведь быть армянским историком – легко, проще простого! Нужно только, не стесняясь, говорить, что всё началось с армян: первые люди на Земле – конечно, армяне, первый язык – разумеется, армянский, и армяне же построили египетские пирамиды. История человечества с армянской точки зрения очень проста: всё началось с армян и везде были армяне»...

Гасан погуглил, и оказалось, что второй Тигранакерт¹, как назло, находится к юго-востоку, а не к северо-западу от Ханкенди, в районе оккупированного азербайджанского района Физули. «Эх, жаль, что армяне не нашли древний город где-нибудь на севере, у подножия Муровдага, или в самом Кельбаджаре, тогда я бы ушел сразу после конференции! А так придётся в любом случае возвращаться в Ханкенди»...

Сидя в гостинице, Гасан ждал, когда за ним заедут. Оставалось ещё полчаса, и Гасан решил поискать в Интернете информацию об Айгюн. Да, он и раньше регулярно набирал её имя и фамилию в глобальной сети в надежде, что что-нибудь всплывёт, но теперь у него были дополнительные данные: участие Международного Комитета Красного Креста в спасении пленной девушки в Кельбаджарском районе.

Гасан набрал в поисковике: «Айгюн Мамедова, спасена Красным Крестом в 1993-м году в Кельбаджарском районе», однако ничего по теме не вышло. Гасан несколько раз попробовал переформулировать запрос, но всё было безрезультатно: никакой информации про Айгюн не появлялось.

«Остаётся только написать письмо непосредственно в Международный Комитет Красного Креста, – решил Гасан. – Кто знает? Может, помогут». Гасан быстро набрал текст и приложил к нему фотографию Айгюн, которую он хранил в своей электронной почте. По правде говоря, это была не настоящая её фотография, это был фоторобот, который он составил ещё лет двадцать тому назад и лишь недавно раскрасил благодаря современным техническим средствам. Ни одной настоящей фотографии Айгюн у него никогда не было. В 1993-м году люди в их деревне фотографировались только по праздникам и держали свои фотографии в семейном альбоме.

Гасан только успел отправить письмо, как услышал шум тормозов резко остановившегося автобуса. За ним приехали, чтобы отвезти в древний Тигранакерт...

7

В автобусе Гасан сразу же забрался в самый конец, подальше от крикливых журналистов и учёных, буквально одержимых «идеями древности» собственного народа.

«И почему армяне так озабочены тем, что хотят доказать всему миру свою древность? Какое это имеет отношение к миропорядку, международному праву? В

¹ Авторская фантазия. Древний город Тигранакерт «найден» армянами пока только в Агдамском районе.

международном праве же нет понятия исконности. Древность – не аргумент в международных спорах. Иначе весь мир стал бы аренной бесконечных войн! Какая разница, кто был первым? Да и доказать это на самом деле невозможно! Нужно жить настоящим и будущим, а не туманным прошлым».

Прошлое... Гасан опять вспомнил про эмблему дашнаков на стене мастерской дяди Левона. «Кто же её нарисовал? А вдруг сам дядя Левон?» – Гасан неожиданно даже для самого себя подумал об этом. «А что? Это ведь было давно, а я был молод и зелен. Возможно, дядя Левон и тётя Рита только казались мне хорошими»...

Да, тогда было советское время, многое замалчивалось... Советский народ ничего не знал ни об армянских националистах, ни об армянском терроризме. А сейчас скрывать нечего, даже статьи есть в Интернете: «Армянский терроризм», где всё расписано вдоль и поперёк... Если коротко, то только в 70-80-х годах двадцатого века армянскими террористами АСАЛА (Армянская Секретная Армия Освобождения Армении) и ДжСАГ (Бойцы за справедливость в отношении геноцида армян) было совершено более двухсот терактов на территории Европы, США, Ближнего Востока и даже Австралии¹. В 1977-м же году армяне совершили теракты в самой Москве, и власти советской Армении приложили титанические усилия, чтобы избежать резонанса, выйти сухими из воды... Но, что особо примечательно, в самой Армении террористы почитаются как герои. Им предоставляется убежище, ставятся памятники. И какие ужасные, какие бесчеловечные! Какой нормальный человек будет восторгаться скульптурой, где под человеческой ногой лежит отрезанная, отрубленная голова²?!

И вот такие люди вершили Ходжалы... 1992-ой год... 26-го февраля... Трагедия азербайджанского народа... Жестоко убиты сотни мирных, ни в чём неповинных людей. Сам бывший Президент Армении Серж Саргсян признался в совершённом тогда злодеянии: «До Ходжалы азербайджанцы думали, что с нами можно шутки шутить, они думали, что армяне не способны поднять руку на гражданское население. Мы сумели сломать этот стереотип»³. Хотя «этого стереотипа» на самом деле и не было, его армяне сломали ещё задолго до азербайджано-армянской войны...

Не прошло и двух часов, как Гасан вместе с другими приглашёнными, учёными и журналистами, доехал до «историко-архитектурного памятника». «Древний город» представлял собой пустырь, окружённый холмами, с каменными островками. Да, здесь на плато лежали каменные диски с надписями на армянском языке, надгробные кресты и хачкары, в то время как за холмами, в каких-то километрах, находились сравнённые с землёй азербайджанские города...

«Это всё вполне можно было и привезти сюда», – скептически рассудил Гасан, взирая на камни, тогда как на импровизированной сцене сменяли друг друга выступающие лекторы – историки, археологи и просто сочувствующие «армянской общенациональной идее».

Все без исключения лекторы говорили практически об одном и том же: о бесценных находках, лишней раз доказывающих, что Карабах – исконно армянская земля, о находившейся здесь колыбели цивилизации и о великой Армении от моря до моря, простиравшейся почти до самого Воронежа. Когда пришёл черёд Гасана выступать, у него уже в ушах звенело от всех этих фраз, но он понимал, что ему придётся говорить то же самое...

¹ В одном из таких терактов умер близкий друг австрийского журналиста и писателя Эрика Файгля (нем. Erich Feigl, 24 сентября 1931 года – 27 января 2007 года), после чего тот написал свои известные книги: «Правда о терроре. Армянский терроризм – истоки и причины» и «Армянская мифомания».

² Речь идёт о памятнике Согомону Тейлирянцу, убийце турецкого генерала Талаата-паши. Памятник был установлен в Армении в городе Маралик в 2015-м году, но тогда отрезанная голова была прикрыта платком. В 2018 году платок убрали, и теперь под ногой Тейлирянца отчётлива видна голова (лицо и усы) в турецкой феске.

³ Слова, сказанные в интервью Томасу де Ваалу (1966 г.р.), британскому журналисту, автору книги о Нагорно-Карабахском конфликте «Чёрный сад».

Гасан, то есть новоявленный профессор Ашот Ованесов, взял в руки микрофон и поднялся на сцену. На него смотрело сотни, а может, и тысячи глаз. Он смутился, но быстро взял себя в руки и слова понеслись будто сами собой. «Мы, армяне – уникальный народ, – начал Гасан. – Все знают, что в наших жилах течёт особенная, уникальная кровь¹. Да и ни для кого не секрет, что всё на этой планете началось с нас. Сама история человечества – это история армян. Вы знаете, я – материалист, но если есть всё-таки Бог на этой земле, то я уверен, что он такой же, как и мы! Иначе откуда в нас, в простых людях, столько мудрости, терпения и добра? Мы, армяне, – мировое достояние, и весь мир должен лелеять, беречь и охранять нас!» Затем Гасан перешёл к рассказу о книге, «которую он пишет», подчеркнув «свою особую благодарность армянским историкам и археологам за их бесценный вклад!» А закончил Гасан своё выступление фразой: «Новейшие исторические исследования в лишний раз доказывают, что Арцах всегда был армянским!» Раздались бурные аплодисменты. Даже после того, как Гасан присел на своё место, к нему продолжали подходить люди и с благодарностью жать ему руку. Он же никак не мог дожидаться, когда закончится весь этот фарс, театр абсурда! Наконец пресс-конференция подошла к концу. Все расселись по автобусам, чтобы вернуться обратно в Ханкенди.

Сидя в автобусе, утомлённый Гасан случайно краем уха услышал разговор двух армянских журналистов.

– Знаешь, ара, мы, армяне, страдаем от своих же лжеучёных и лжепатриотов, – говорил один из них. – Эти люди считают себя патриотами, но на самом деле они круглые дураки, они просто позорят нас, армянский народ. Потому что наши враги потом используют их слова и смеются над нами.

– Слова? Какие слова? – отозвался его собеседник.

– Ты сегодня слышал. Типа, Бог – армянин, Иисус Христос – армянин...

– А что, ара, это разве не так???

– Зачем не так? Конечно, так, дорогой, но не надо же везде об этом говорить.

Умный армянин понимает, где можно говорить, а где нет!

8

Был уже поздний вечер, когда Гасан вернулся в Ханкенди. Он заранее решил, что в гостиницу больше не вернётся, и по Интернету подыскал себе квартиру на одну ночь. Однако здесь его ждал неприятный сюрприз: хозяин квартиры, крепкий мужчина лет сорока по имени Роберт, «узнал его», лишь мельком взглянув на паспорт.

– Ашот Ованесов... Ты тот самый профессор, который пишет «Историю Арцаха», ара, и которого обстреляли турки. Эх, жаль, что меня там не было. Показал бы я им! – радостно прокричал он.

Гасан хотел сказать, что «нет, однофамилец», но замялся, и Роберт принял его молчание за согласие.

– Для меня большая честь, что ты остановился у меня, дорогой. Можешь не платить. Оставайся бесплатно, сколько хочешь. Мы, армяне, должны поддерживать друг друга. Сам понимаешь, кругом одни враги. Давай выпьем с тобой по рюмочке армянского коньяка, Ашот-джан? – с этими словами Роберт достал откуда-то из-под стола непечатую бутылку.

Гасан вначале отказался, но Роберт продолжал настаивать, и в конце концов одну рюмку Гасан всё же выпил, но от второй уже отказался наотрез. «Чёрт, вот не повезло опять. Но как мне уйти? Сказать ему, что, мол, передумал? А вдруг заподозрит что-то?»

¹ Обыгрываются слова, которые произнесла Белла Кочарян – супруга экс-президента Армении Роберта Кочаряна – на церемонии открытия ереванского центра по переливанию крови: «В армянской крови имеются специфические генетические факторы, и армянам надо переливать только армянскую кровь».

Роберт тем временем принёс из кухни и угощение: «армянскую пахлаву». Гасан помаялся немного, но всё же рассудил, что ему будет лучше остаться, а не искать по среди ночи другое пристанище-ночлег.

– Когда обратно в Ереван? – спросил Роберт, опрокинув очередную рюмку.

– Завтра рано утром.

– Будешь писать «Историю Арцаха», дорогой?

– Постараюсь. Материала у меня уже много. Здесь живут замечательные люди, и они мне очень помогли...

Роберт, судя по всему, не собирался уходить, и Гасан решил его разговорить. Лучше уж пусть Роберт расскажет о чём-то сам, чем будет задавать бесконечные вопросы!

– А ты откуда приехал? – спросил Гасан.

Роберт назвал маленький городок в Армении, о котором Гасан почти ничего не слышал.

– Нравится тебе здесь?

– Да, очень!

Роберт разговорился... Вскоре Гасан услышал много интересного о том, как хорошо жить на оккупированной, бесхозной земле. Тем более вблизи оставшейся без присмотра азербайджано-иранской границы.

«Что хочешь можно оттуда привозить, брат! Что хочешь! Марихуану, опиум, героин! Это – рай, брат. Хорошо, что мы выгнали этих турков»...

Роберт всё говорил, а Гасан внимательно слушал...

– Понимаешь, дорогой, – после пятой-шестой рюмки Роберт захмелел, – я ненавижу турков, как должен их ненавидеть любой, каждый армянин. Ненавижу за геноцид, за то, что они убивали наших матерей, отцов и детей. Но я ненавижу и своих, армян, как там правильно сказать, несознательных, вот, которые не хотят служить общему делу, забыли про всё, что тогда произошло. Таких армян тоже надо убивать! Понимаешь, Ашот, мы ведь, армяне, на самом деле очень добрый и мирный народ, но нам приходится всех убивать, потому что иначе нам самим придёт конец!

Шёл уже третий час ночи, когда Роберт поднялся с намерением уйти. Но он был мертвецки пьян.

– Можешь переночевать здесь, – предложил ему Гасан, рассудив, что для него самого будет гораздо спокойнее и безопаснее, если Роберт останется с ним, а не уйдёт неизвестно куда.

– А я тебе не помешаю, дорогой? Может, ты хотел пригласить девушку какую-нибудь, а я тебе помешал. Извини, а, профессор-джан!

– Ерунда, Роберт! Всё нормально. У тебя же две комнаты. Ты поспи здесь, а я пойду спать в другую.

Гасан оставил Роберта и через несколько минут услышал раскатистый храп. Гасан облегчённо вздохнул. «Слава Всевышнему, всё обошлось. Повезло, что Роберт говорил только о себе и о «несознательных армянах», и почти ничего не спрашивал, а то я вполне мог выдать себя, я же никогда не был не то, что в Ереване, да и вообще в Армении!»

Избавившись от Роберта, Гасан взял в руки мобильный телефон. Зашёл на армянские и нагорно-карабахские новостные сайты, тьфу-тьфу, всё было спокойно. Потом вошёл в свою почту, там было одно непрочитанное письмо, и это был ответ от Международного комитета Красного Креста!

«Здравствуйте, уважаемый Гасан. Сообщаем вам, что в 1993-м году в Кельбаджарском районе действительно произошёл такой случай: молодую девушку удалось освободить из армянского плена. Но, к сожалению, мы не знаем ни её имени, ни фамилии. Мы пересылаем ваше письмо тем нашим представителям, кто был в то время в Кельбаджарском районе. Хотя многие из них уже давно не работают с нами,

но, возможно, они смогут вам помочь. Ждите ответа. С уважением, гуманитарная организация Международный комитет Красного Креста».

«Да, возможно, помогут, а может, и нет. Что делать? Ждать ответа бессмысленно, да и опасно. Посплю немного, несколько часов, а завтра рано утром уеду отсюда». Гасан, практически не раздевшись, лёг на кровать и заснул чутким, беспокойным сном... Он видел во сне развалины родного села и отточенные камни древнего Тигранакерта, красавицу Айгюн и мастерскую дяди Левона... Нет, здесь явно что-то не так...

Было шесть часов утра, когда Гасан окончательно проснулся. Взяв рюкзак, он вышел из своей комнаты. Роберт спал беспробудным сном, а рядом с ним лежала бутылка армянского коньяка и недоеденный кусок пахлавы. Гасан достал армянские драмы из кармана и положил на стол. После чего взял из рюкзака белый лист бумаги и написал обычной шариковой ручкой: «Я уезжаю в Ереван, Роберт. Спасибо за гостеприимство. Как только допишу «Историю Арцах», обязательно дам знать. Ашот»...

9

Гасан поймал такси, но на этой машине проехал всего несколько километров. Потом он остановил другую машину, на которой поехал уже на север, до города Агдере. В Агдере Гасан опять поменял транспорт, теперь его путь лежал на запад, в сторону Кельбаджара. Не доезжая же до Кельбаджара, он вышел из машины и пошёл знакомой тропой. Да, если даже Гасан и вызвал какие-то подозрения у службы безопасности Нагорного Карабаха или у Роберта (кто знает!), всё равно найти и поймать его теперь будет непросто, он как мог запутал следы.

Вскоре, по пути к Муровдагу, Гасан дошёл до своей родной разрушенной деревни. Да, он был здесь два дня назад, а кажется, что прошла целая вечность. Хотя ничего тут не изменилось. Та же выжженная земля. Вот его дом, вот дом Айгюн, вот дом дяди Левона и тётки Риты, а вот мастерская дяди Левона...

Гасан зашёл в мастерскую и на сей раз сразу же посмотрел вниз стены – и, конечно, увидел рисунок: пресловутые кинжал, перо и лопату... «Приходи к нам завтра утром, поговорим», – последние слова дяди Левона, произнесённые здесь в мастерской, как и тридцать лет тому назад, звучат в его ушах... Но Гасан стоял тогда прямо напротив этой стены. Неужели он мог ничего не заметить? Нет, не мог! Этого рисунка тогда не было! Его пририсовали потом, когда дяди Левона и тётки Риты уже не было в живых!

«Мы, армяне, вынуждены всех убивать, даже своих, иначе нам самим придёт конец», – в его мозгу барабанной дробью звучат слова подвыпившего Роберта...

Да, дядю Левона и тётку Риту убили. Это Гасан знает точно. Убили свои, армяне, дашнаки. В наказание и в назидание. Ведь дядя Левон и тётка Рита были как раз-таки «несознательными», «неправильными армянами» в глазах дашнаков. Они не мечтали о «восстановлении исторической справедливости» и не платили деньги в «фонд Арцах», к тому же, наверное, отказались жаловаться, плакаться о том, что их в деревне притесняют варвары-азербайджанцы... Они просто хотели жить, в мире и согласии со своими соседями. И это право у них отобрали...

«Как же их убили, если не было признаков насилия? Пустили угарный газ? Нет, непохоже, запах газа вроде не ощущался. Может, отравили? Возможно. Но почему же тогда они лежали в своей постели? Да что я как маленький?! Их сначала отравили, а потом уже мёртвых переложили на кровать! Точно!» Гасан вспомнил рукава рубашки дяди Левона, выбивавшиеся из-под одеяла. Сельчан не удивило тогда, что дядя Левон и тётка Рита были полностью одеты. Это было в феврале, и дом почти не отапливался. Но Гасан знал, что дядя Левон любил холод и даже зимой обливался холодной водой!

Гасан пошёл дальше... Однако мысли об армянском фашизме, о людях, возмнивших себя вершителями человеческих судеб, не отпускали его...

«И вы ещё считаете себя добрыми? Да и мудрости у вас, по большому счёту, нет! Не задумай вы Нагорно-Карабахского конфликта, самой Армении сейчас жилось бы намного лучше! Вы были бы намного богаче и не зависели бы от своих диаспор, только и делающих, что спекулирующих на мифах о былом могуществе. Великая Армения, великая Армения – сколько же можно? А что тогда делать потомкам древней Греции и древнего Рима? Османской империи? Арабского халифата? Тоже плакаться о том, что было раньше?»

Кстати, а с чего вы вообще взяли, что великая Армения – ваша? Многие современные учёные сходятся на том, что Армения на самом деле – географический термин, регион, в котором проживали тысячи племён, в числе которых были и ваши предки. К тому же с тех пор прошло много лет. А наукой давно доказано, что в мире нет чистых рас, не говоря уже о «чистых» национальностях. Вам будет неприятно думать об этом, и нам, конечно, тоже, но генетически мы с вами ближе друг к другу, чем к своим предкам двухтысячелетней давности! Поэтому нет и не может быть никакой уникальности армянского гена, о которой вы твердите!

И не армяне же вы, вы – хаи! Вы же сами именно так себя называете! Вы пришли на Кавказ из Персии и Восточной Анатолии. Свидетельством чему является множество записок и документов. Вы не можете всех их уничтожить или фальсифицировать, как бы вам этого ни хотелось! Фальсифицируя свою историю, вы рискуете в конечном счёте потерять самих себя!

Вот вы утверждаете, что ваши предки первыми приняли христианство. Но кроме «Истории армян» Агатангелоса, написанной к тому же в пятом веке, других источников, подтверждающих эту информацию, нет! Да и какая разница, кто первым принял христианство, если вы далеки от Бога, и не живёте по его заповедям?!

И сколько можно говорить о своей многострадальности, геноциде! Своим плачем и стенаниями вы делаете из человеческой трагедии дешёвый балаган. Что это за геноцид такой, если турков было убито намного больше, чем армян?! Хотите, чтобы все узнали о геноциде правду? Так откройте архивы или поспособствуйте открытию архивов¹ для серьёзных учёных, а не только для тех, которые удобны вам!

Ну, ладно. Предположим, вы самые древние. Допустим, что весь цивилизованный мир произошёл от вас. Допустим, что Ной был армянином, так же, как Иисус Христос. Допустим, что и сам Бог – армянин, как бы кощунственно это ни звучало! Но если вы такой высокоразвитый, цивилизованный народ, то почему же тогда вы не хотите жить по международному праву? Цивилизованные народы от нецивилизованных как раз таки и отличаются тем, что живут по законам! А закон и международное право не на вашей стороне! Ещё в 1993-м году Организация Объединённых Наций приняла 4 резолюции, по которым вы должны освободить оккупированные территории. Почему же вы не освобождаете их, а вместо этого продолжаете вырубать наши деревья и эксплуатировать золотомедные рудники?»

Гасан почти вплотную подошёл к южному подножью Муровдага. Последний перевал, и его здесь больше не будет... «Написал ли мне ещё кто-нибудь от Международного комитета Красного Креста?» Гасан вспомнил о судьбе Айгюн. Впрочем, он никогда о ней не забывал, Айгюн всегда была рядом с ним...

Гасан вошёл в свою электронную почту, и прямо на его глазах пришло письмо! Оно было от ... некого Ричарда, англичанина, двадцать пять лет тому назад работавшего в Международном комитете Красного Креста. Гасан на всякий случай приоткрыл в лесу и начал читать длинное и немного путаное письмо...

¹ Речь идёт в частности о следующих архивах: архив Армянского католикосата в городе Вагаршапат, архив Иерусалимского патриархата Армянской апостольской церкви, архив партии «Дашнакцутюн» в Бостоне.